

УДК 008.2, 001.18
ББК 74.04(2)

Гонки за будущим: «... и вот наступило потом»

Асмолов Александр Григорьевич,

доктор психологических наук, профессор, академик РАО, заведующий кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, директор ФГАУ «Федеральный институт развития образования», г. Москва, Россия

Аннотация. Говорится о рисках и эффектах прогнозирования будущего, о конкуренции двух образов будущего в современных прогнозах. Обсуждается вопрос изменения основополагающих представлений о природе и сущности человека, его наиважнейших свойствах и качествах в связи с наступлением эпохи неопределённости, сложности и разнообразия. Описывается контекст прогнозирования будущего: переход от мира SPOD к миру VUCA. Автор напоминает конструкторам будущего о важности соотнесения футурологических программ с ожиданиями и мотивационными установками разных социальных слоёв российского общества. В статье представлена критика образовательной политики сегодняшнего дня, выявлены общие черты реформ образования последних десятилетий и создаваемые их недостатками риски. Обозначены условия построения перспективной и человекообразной модели образования XXI века – «сада культуры достоинства» для «сложных свободных людей».

Ключевые слова: прогнозирование будущего, ярмарка прогнозов, конкуренция образов будущего, вызовы современности, странный мир, синдром диссонанса современника, мир SPOD, мир VUCA, толерантность к неопределённости, смена парадигм образования, реформа образования, методология реформ образования, модель образования XXI века.

Races for the future: «... and here comes later»

Asmolov Aleksandr Grigorevich,

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Head of the Personality Psychology Department, School of Psychology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Director of Federal Institute of Education Development, Moscow, Russia

Annotation. The article deals with the risks and effects of forecasting the future, with the competition between two images of the future in modern forecasts. The article discusses the issue of changing the fundamental concepts of the nature and essence of a man, his most important properties and qualities in connection with the onset of an era of uncertainty, complexity and diversity. The context for predicting the future is described: the transition from the SPOD world to the VUCA world. The author reminds the designers of the future of the importance of relating futurological programs to the

expectations and motivational attitudes of different social strata of Russian society. The article presents criticism of today's educational policy, reveals common features of educational reforms of recent decades and the risks created by their shortcomings. The conditions for constructing a perspective and human-like model of education for the 21st century (the «garden of dignity culture» for «complex free people») are indicated. **Keywords:** forecasting the future, fair of forecasts, competition of images of the future, challenges of the present, strange world, contemporary dissonance syndrome, SPOD world, VUCA world, tolerance to uncertainty, paradigm shift of education, educational reform, methodology of educational reforms, 21st century education model.

В России, как во многих других странах мира, обострился особый процесс – процесс гонок за будущим. И чем больше я вглядываюсь в различные прогнозы будущего, в том числе – прогнозы образования XXI века, тем чаще вспоминаю парадоксальное название недавно вышедшей книги известного мультипликатора Гарри Бардина «И вот наступило потом».

Любые прогнозы, как и пророчества, – занятие не только привлекательное, но и рискованное. Неслучайно, как поётся в «Песне о вещей Кассандре» Владимира Высоцкого, «ясновидцев – впрочем, как и очевидцев – Во все века сжигали люди на кострах». Прогнозирование будущего весьма рискованно и потому, что при всей непредсказуемости будущего, возможно именно в силу этой непредсказуемости, срабатывает эффект «самосбывающихся пророчеств» (правда, утопии и манифесты чаще перерождаются в империи и тоталитарные режимы, а не в светлые города солнца).

Эффект «самосбывающихся пророчеств» – лишь один из эффектов *прогнозирования как конструирования будущего*, без учёта которых любые «объективные прогнозы» могут рассыпаться как картонный домик.

Другой эффект, который также, на мой взгляд, необходимо удерживать в фокусе внимания в ходе «гонок за будущим» – это эффект психологии восприятия, известный как «борьба полей зрения» (когда один глаз видит, например, пятно коричневого цвета; другой глаз – пятно синего цвета). Поэтому, когда смотришь на Россию образца 2017 года и строишь прогнозы будущего, необходимо осознавать, что историческое восприятие страны подвластно эффекту «борьбы полей зрения», когда возникает то один образ восприятия, то другой, соперничая друг с другом, накладываясь друг на друга.

В восприятии России 2017 конкурируют между собой, как минимум, два образа будущего, несущие разные исторические установки. Первый из этих образов навеивает воспоминания о «началах» идеологической триады министра народного просвещения Российской империи графа С.С. Уварова: «Православие – Самодержавие – Народность». Образ, задаваемый другой триадой – «Свобода – Равенство – Братство» – увлекает наше воображение во времена Великой французской революции XVIII века.

За каждой из этих «триад», – разных знаков, конкурирующих образов конструирования будущего, – своя правда, свои лидеры изменений и свои незавершаемые, перемешанные проекты будущего России. **Без понимания этих разновекторных установок любые футурологические программы будущего, носящие преимущественно технологический характер, останутся благими пожеланиями, вступающими в диссонанс с ожиданиями и мотивационными установками разных социальных и возрастных слоёв населения страны.**

Сказанное относится не только к России. На наших глазах один за другим набирают силу самые разные программы и стратегии, пытающиеся дать свои ответы на вызовы неопределённости, сложности и разнообразия «текучей» эпохи перемен.

Среди нынешней ярмарки прогнозов будущего, гонки проектов различных образов XXI века, – «Образа Человека», «Образа Разума», «Образа когнитивной революции», «Образа образования», образов технологической и промышленной революции, – **метафора «неизбежности странного мира» наиболее ёмко передаёт смысл каскада происходящих в мире перемен.**

Во всех этих образах будущего, «историях завтра»¹ преобладают апокалипсические интонации, касающиеся перспектив человека и человечества (см., например, работы Рэймонда Курцвейла, одного из авторов концепции технологической сингулярности, о будущей интеграции человека с вычислительными машинами [Kurzweil 2005]). Будущее образования, сулящего успешную адаптацию к меняющемуся миру, связывается с оснащением «Человека будущего» набором ключевых навыков и компетенций XXI века, в том числе навыков креативности. При этом не исключается, что подобно тому, как в средневековой Великобритании «овцы съели людей», гибкие алгоритмы и платформы потеснят человека, превратив его в представителя «бесплезного класса», уходящую натуру эволюции.

При всем разноцветии картин будущего, «повестках действий» с временными горизонтами от 5 до 100 лет, их объединяет ряд общих особенностей. Во-первых, за разноликими моделями будущего проступает *Синдром диссонанса современника*, который перманентно не успевает за бегущим днём, находится не в ладу со временем и самим собой.

В одной из своих работ я писал, что «личностный и когнитивный диссонанс при освоении современности состоит в том, что современник, как бы он ни пытался овладеть современностью, неизбежно не успевает за бегущим днём. «Синдром современника» – синдром диссонанса со временем, с нелинейностью и безмерностью настоящего – вызывает эффекты, которые по своему воздействию на человека и человечество не уступают страхам перед «нелинейным будущим» [Назаретян 2015]. Среди таких эффектов назову, прежде всего, классический феномен стресса – генерализованного адаптивного синдрома, – введённый не только в научный оборот, но и в лексикон обыденного сознания канадским психофизиологом Г. Селье; а также невроз современности, описанный в классическом труде К. Хорни «Невротическая личность нашего времени» [Хорни 2008], [Асмолов 2015].

Во-вторых, вызовы «странного» мира – вызовы неопределённости, сложности, разнообразия – чаще всего интерпретируются как деструктивные вызовы «беспорядка», «хаоса», «шока будущего» [Тоффлер 2008], препятствующие адаптации человека и человечества к изменениям среды, а также адаптации других биологических видов в текучих мирах экологических, техногенных, социальных и психологических трансформаций. В результате – спровоцированный потоком деятельностей (и сознания) человечества рост темпов эволюции, утрата постепенности эволюции, оборачивается нарастанием тенденций регресса, архаики, «бегством от свободы» [Фромм 1995], страхами перед неопределённостью и непредсказуемостью настоящего и будущего.

В-третьих, прогнозирование будущего осуществляется на фоне происходящих технологических, промышленных и когнитивных революций, изменяющих образы жизни и образы мира человечества (см., например: [Курцвейл 2015], [Шваб 2016], [Харари 2016],

1. См. например: Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2016; Harari Y.N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. L.: Harvill Secker, 2016; Курцвейл Р. Эволюция разума. М.: Эксмо, 2015; Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016; Ласло Э. Макросдвиг: К устойчивости мира курсом перемен. М.: Тайдекс Ко, 2004; Фрейдл Ч., Бялик М., Триллин Б. Четырёхмерное образование: Компетенции, которые нужны для успеха. М.: Центр образовательных разработок Московской школы управления СКОЛКОВО, 2015; Ассман А. Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима Модерна М.: Новое литературное обозрение, 2017.

[Harari 2016]). В результате этих революций «шок будущего», о котором на границе XXI века предупреждал футуролог Э. Тоффлер, становится «шоком настоящего», *а время перемен – нормой современной жизни.*

В условиях растущей нестабильности человечество сталкивается с задачей выработки эффективной «повестки действий» в изменившейся глобальной ситуации и через, особо подчеркну, оптику рациональности и *экономическойсообразности* ищет пути реагирования экономического субъекта социальных систем на различные изменения, кодируемые как переход от SPOD мира (S-Steady – устойчивый; P-Predictable – предсказуемый; O-ordinary – простой; D-definite – определённый) – к VUCA миру (V-volatility – изменчивость, неустойчивость, нестабильность; U-uncertainty – неопределённость; C-complexity – сложность; A-ambiguity – двусмысленность, неоднозначность, амбивалентность). Противоречивый мир VUCA приводит к появлению адаптивных футурологических концепций, в которых упование на наращивание адаптивного потенциала личности XXI века за счёт расширения репертуара так называемых компетентностей и навыков XXI века, в том числе навыка креативности (см., например: [Covey1989]²) сочетается с осознанием необходимости подбора для успеха в бизнесе людей, обладающих *толерантностью к неопределённости*. Настоящий, а не только грядущий мир VUCA становится также и драйвом пересмотра различных адаптивных моделей практики образования в разных странах мира, стимулом для преодоления системного кризиса образования с помощью перехода от парадигмы обучения «знаниям, умениям, навыкам» – к «школе неопределённости» и парадигме вариативного мотивирующего развивающего образования (см., например: [Асмолов 2015], [Фейдл, Бялик, Триллин 2015]).

На фоне этих событий за последние десятилетия в России было осуществлено несколько масштабных попыток «реформирования образования сверху», без критической рефлексии которых любой новый управленческий проект прогнозирования будущего системы образования как потенциального ресурса позитивных сдвигов в экономической жизни страны имеет мало шансов на успех. В контексте образовательной политики сегодняшнего дня, мобилизации социальных сил в поле образования на архаизацию, устремления на уровне некоторых представителей управленческих элит к «закрытым моделям образования великой державы» и т.п., риски восприятия новых проектов реформирования образования и проектов будущего резко возрастают.

В связи с этим считаю необходимым (при позитивном восприятии замыслов различных футурологов образования приступить к очередному витку «модернизации образования сверху») обозначить некоторые явные риски социального восприятия и последующих результатов этих проектов реализации по гамбургскому счёту.

1. Для всех предшествующих попыток модернизации образования было характерно следующее:

- Игнорирование ожиданий и мотивации населения при проведении социальных реформ;
- Доминирование технократических («технологических», «организационно-экономических») моделей модернизации, выносящих за скобки социально-экономические и психологические эффекты образования (образование как фактор социальной стратификации, социальной мобильности и социальной консолидации (или сегрегации) населения, поставщик образов будущего для новых поколений подростков и молодёжи, основа формирования культурной идентичности и т.п.);

2. «Семь навыков высокоэффективных людей. Мощные инструменты развития личности» (англ. название: «The 7 Habits of Highly Effective People: Restoring the Character Ethic») – популярная книга американского бизнес-консультанта Стивена Кови о развитии личности, основанная преимущественно на принципах гуманистической психологии.

– Сведение политики реформирования образования к ведомственным программам отдельной отрасли, игнорирующей специфику образования в открытом сетевом обществе, утрату монополии образования как института социализации по сравнению с другими институтами социализации, особенно в условиях информационной социализации и последствий цифрового разрыва между поколениями;

Все это создаёт следующие риски:

– Риск превращения образования в «козла отпущения» за любые проявления социальной напряжённости на фоне увеличивающегося социального расслоения общества, обострения ксенофобии, этнофобии, либералофобии, охоты на ведьм, роста рядов сторонников «особого пути» страны и оппонентов любых «инноваций»;

2. Риск сведения сценариев развития образования к адаптивным компенсаторным сценариям технологического апгрейда уже нынешней системы образования, превращающих разные «перспективные модели образования» (2018-2024; 2018-2030 и т.п.) в ретроспективные модели *ещё* до их обсуждения и принятия. (Технологические апгрейды образования напоминают мне попытки модернизации «Запорожца» в «Мерседес».)

Об этом риске скажу особо. Чётко понимаю, что в самих сценариях «повестки действий», отвечающих жёсткой управленческой логике, вряд ли уместны рассуждения о выборе методологии и, не побоюсь этого слова, философии проектирования будущего. Тем не менее, считаю нужным заметить, что именно методология конструирования будущего в значительной степени предопределяет выбор целей, приоритетов, языка описания любого проекта.

По умолчанию в качестве методологии принимаются по сути две точки опоры:

– методология рассмотрения образования через призму концепций человеческого капитала, в которых люди, в основном, «ресурсы», «средства», «кадры», «инструменты» решения государством экономических задач;

– «философия эффективности» (предлагаемая бизнес сообществом философия обучения личности ключевым навыкам (компетенциям) XXI века, в том числе «навыку креативности»).

Все другие общие методологии проектирования будущего, в том числе классические методологии моделирования устойчивого развития в контексте концепции мировой (системной) динамики Джея Форрестера [Форрестер 2006], методология «третьей волны» Эльвина Тоффлера [Тоффлер 2008], футурология сингулярности Реймонда Курцвейла [Курцвейл 2015] [Kurzweil 2005] и, главное, философия нестабильности Ильи Пригожина [Пригожин 1986, 1991, 2001, 2005] нередко остаются вне фокуса внимания самых разных программ конструирования как Образов Образования, так и Образов Человека XXI века.

Это особенно грустно, так как **без философии нестабильности, выделившей основные тренды современности – вызовы неопределённости, сложности и разнообразия, без учёта происходящей когнитивной революции, без анализа прогнозов и последствий 4-ой промышленной революции – вряд ли возможно построить перспективные модели образования XXI века.**

Но не хочу обрывать обсуждение гонок за будущим на грустной ноте.

Наука, как бы её не травмировала архаическая идеология «бегства от свободы», сохраняет целый веер путей своего развития. Если в точных науках XX века главным символом познания был «Атом», то в XXI веке ему на смену приходят такие символы как «Мозг» и «Разум». И на очереди такие символы как «Сознание» и «Человек, готовый к

изменениям». Впечатляюще выглядит картина финансирования исследований в области наук о мозге, нейрокогнитивных науках и нейротехнологий в первой декаде XXI века:

– «Connectome» (2005-2015 г., США, финансирование 100 млн. долларов США) [Connectome];

– «Blue Brain» (2005-2015 г., Швейцария, финансирование 100 млн. евро) [Blue Brain];

– «Human Brain Project» (2012-2022 г., Еврокомиссия Евросоюза, финансирование 1 млрд. 190 млн. евро) [Human Brain Project];

– «BRAIN Initiative» (2014-2025 г., Правительство США, 127 млн. долларов США) [BRAIN Initiative];

– «Brainnetome» (2011-2015 г., Китай, финансирование 26 млн. юаней) [Brainnetome].

Без анализа происходящей «перемены перспектив», без понимания причин смены цепи символов познания («Атом» – «Мозг» – «Разум» – «Сознание...») футурологические прогнозы так и останутся в безвоздушном пространстве.

... «И вот наступило потом»...

Но я отношу себя к эволюционным оптимистам. И поэтому завершу своё эссе отрывком из философской повести Вольтера «Кандид, или оптимизм», в котором философ Панглос, свято верящий в доказательство Лейбница о нашем мире как лучшем из всех возможных миров, говорит своему ученику Кандиду:

– Все события неразрывно связаны в лучшем из возможных миров. Если бы вы не были изгнаны из прекрасного замка ..., если бы не были взяты инквизицией, если бы не обошли пешком всю Америку..., если бы не потеряли всех ваших баранов из славной страны Эльдорадо, – не есть бы вам сейчас ни лимонной корки в сахаре, ни фисташек.

– Это вы хорошо сказали, – отвечал Кандид, – но *надо возделывать наш сад.*

Так и нам, **чтобы не происходило на «ярмарке» прогнозов и «новой архаики будущего», надо возделывать наш сад – сад культуры Достоинства, сад современности для бесстрашного поколения сложных свободных людей, готовых к изменениям реальности, сад вариативного образования XXI века.**

Источники и литература:

1. Ассман А. Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима Модерна / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. английских цитат Д. Тимофеева. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
2. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределённости, сложности и разнообразия. // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 29.05.2017).
3. Бардин Г. И вот наступило потом... Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино, 2013. 208 с.
4. Вольтер. Кандид, или оптимизм. Вольтер. Избранные сочинения. М.: Рипол Классик, 1997. 848 с.
5. Курцвейл Р. Эволюция разума. М.: Эксмо, 2015. 352 с.
6. Ласло Э. Макросдвиг: К устойчивости мира курсом перемен. М.: Тайдекс Ко, 2004. 208 с.
7. Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргмак-медиа, 2015. 440 с.
8. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
9. Пригожин И. Конец определённости. Ижевск: РХД, 2001. 216 с.
10. Пригожин И. Определено ли будущее. Ижевск: ИКИ, 2005. 240 с.
11. Пригожин И. Философия нестабильности. // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46 – 52.
12. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008. 560 с.
13. Форрестер Д. Мировая динамика. М.: АСТ, 2006. 384 с.
14. Фрейдл Ч., Бялик М., Триллин Б. Четырёхмерное образование: Компетенции, которые нужны для успеха. М.: Центр образовательных разработок Московской школы управления СКОЛКОВО, 2015. 212 с.

15. Фромм Э. Бегство от свободы. М: Прогресс, 1995. 231 с.
16. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2016. 520 с.
17. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М. Академический проект, 2008. 208 с.
18. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.
19. BRAIN Initiative. (Brain Research through Advancing Innovative Neurotechnologies). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.braininitiative.nih.gov/index.htm> (дата обращения: 31.05.2017).
20. Brainnetome. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.brainnetome.org/en/> (дата обращения: 31.05.2017).
21. Connectome: Human Connectome Project (funded by National Institute of Health). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.humanconnectomeproject.org/about/scanner/> (дата обращения: 31.05.2017).
22. Covey S. R. Seven Habits of Highly Effective People: Restoring the Character Ethic. New York: Simon and Schuster, 1989. 340 p.
23. Harari Y. N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. L.: Harvill Secker, 2016. 448 p.
24. Human Brain Project (co-funded by European Union). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.humanbrainproject.eu/en/> (дата обращения: 31.05.2017).
25. Kurzweil R. The Singularity is Near. When Human Transcend Biology. New York: Penguin Group, 2005. 432 p.
26. The Blue Brain Project. A Swiss Brain Initiative. [Электронный ресурс]. URL: <http://bluebrain.epfl.ch/page-59952-en.html> (дата обращения: 31.05.2017).

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 372.4

ББК 74.268.0

Уровень сформированности языковых компетенций: элементарная грамотность в первом классе¹

Полихронов Даниел Петров,

аспирант кафедры дидактики «Софийского университета им. Св. Климента Охридского», г. София, Болгария

Иванова Нели,

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры дидактики «Софийского университета им. Св. Климента Охридского», г. София, Болгария

Аннотация. В статье представлены результаты исследования степени приобретения языковых умений в период формирования начальной грамотности в первом классе. Инструментарий включает в себя два дидактические теста. Они проверяют ожидаемые результаты, установленные как знания, навыки и отношения в учебном плане по болгарскому языку и литературе для первого класса. Эти тесты построены, апробированы и проведены среди 505 первоклассников из 23 школ десяти районов Болгарии. Сравнительный анализ результатов исследуемых детей был осуществлен по следующим трем критериям: 1) по районом; 2.) по типу населенного пункта; 3) в зависимости от того, где обучаются школьники - в среде монокультурной или мультикультурной. Лучшие показатели продемонстрировали дети округа Софии, столичного города и монокультурной среды обучения.

Ключевые слова: элементарная грамотность, языковая компетенция, дидактический тест, результаты обучения

Level of Language Competences Formation: Developing Primary Literacy in the First Grade

Polihronov Daniel Petrov,

PhD student, Faculty of Education, «Sofia University St. Kliment Ohridski», Sofia, Bulgaria

Ivanova Neli,

Doctor of Pedagogical Sciences, Faculty of Education, «Sofia University St. Kliment Ohridski», Sofia, Bulgaria

1. The studies were financed from the target funds granted from the state budget of Sofia University St. Kliment Ohridski for scientific research in 2017 under the project entitled: «Level of Language Competence Formation in Students at the Initial Stage of Primary Education», Supervisor: Prof. Neli Ivanova, Doctor of Pedagogical Sciences